

История повседневности

И. А. Новиков

Бытовая артель в дореволюционной России (к проблеме отражения бытовых самоорганизаций второй половины XIX – начала XX века в исторических источниках)

Проявление артельности в сфере быта – одно из наиболее распространённых, однако, исследование именно этой стороны артельной традиции почти всегда ограничивается простым указанием на наличие объединения и рассмотрением его вне связи с комплексом специфических элементов артели вообще, как самоорганизованного хозяйственного союза. Нам уже приходилось анализировать проблему отражения реальных артелей в исторических источниках¹, настоящая статья призвана осветить ещё один аспект этого вопроса. Хозяйственная цель объединения подразумевает не только собственно совместный труд – производство, но и совместный быт. Пожалуй, впервые на это обратил внимание В. И. Даль. Для сложившейся традиции рассмотрения артелей должно казаться странным его определение, где цели объединения «для общего хозяйства и особенно пищи» отводится первое место перед «работой сообща»². Но это не случайно, так как он исходил из практического употребления самого слова, а бытовая сторона артели как раз ускользала от исследователей, которые подходили к этому явлению с формальной точки зрения. Для В. И. Даля же было важно не столько то, как определяется это слово в законодательстве или литературе, а то, какими смыслами оно наполняется в повседневном использовании.

В литературе не раз было сказано, что в народе название «артель» употреблялось в самом широком смысле, при этом не замечено, что почти всегда в таких случаях речь шла именно о бытовой цели объединения: «Товарищества лиц, составляющих между собою на некоторое продолжительное время складчину деньгами или припасами для общего продовольствия пищу или также другими предметами жизненных потребностей, называют себя также артелями»³; «всякое сообщество рабочего люда здесь называется артелью, даже кучка рабочих, соединившихся с целью выпить вместе четверть

¹ Новиков И. А. Артель в России во второй половине XIX – XX в. К вопросу об определении термина // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. № 4 (8). 2009. С. 147–161; *Он же*. Артель как социокультурный феномен дореволюционной России (к проблеме определения границ применимости термина «артель» для исследования традиций коллективного труда второй половины XIX – начала XX века) // Исторический Ежегодник. 2010: Сб. науч. ст. Новосибирск, 2010. С. 69–78; *Он же*. Артельный староста и артельная расправа в сибирской золотопромышленности // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2011. № 1 (13). С. 7–11.

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1994. Т. 1. С. 61–62.

³ Калачов Н. В. Артели в древней и нынешней России. СПб., 1864. С. 53.

Новиков Игорь Александрович, соискатель Томского государственного университета.

E-mail: ooz2003@mail.ru

© И. А. Новиков, 2011

ведра водки в кабаке»¹. Однако от констатации факта и его объяснения, авторы не сделали шаг к попытке увязать его с общим определением артели.

Единственным исключением здесь следует признать А. А. Исаева, который «вышел» на бытовые артели, когда задался вопросом, почему в народе союз, не отвечающий формальным признакам, дающим право называть его артелью, всё-таки зачастую именуется именно так. Историк, объяснял этот парадокс, во-первых, употреблением слова «артель» именно в смысле артели бытовой, то есть переносом наименования «артель» с бытовой стороны союза, на деятельность коллектива в целом. Причём он отмечал, что сами работники ясно понимали эту разницу, и такой перенос совершали именно сторонние наблюдатели (в этом случае название собственно трудового союза «артелью» некорректно). Во-вторых, «как обычай, некогда имевший смысл, переходит в бессодержательный обряд», имеет место чисто психологический перенос слова «артель» на объединения, только внешне напоминающие собственно артели, за неудобностью нового термина для таких коллективов (в этом смысле наименование «артель» в принципе не отражает суть явления)².

Кроме полстранички текста А. А. Исаева нам не известно ни одного исследования, где бы специально обговаривалась эта проблема. Без учёта же этого момента крайне затруднено как собственно понимание артели, так и критическое восприятие сообщений об артелях в литературе. Сфера обыденности, к которой относятся такие «спонтанные» объединения, слишком «неуловима» с точки зрения наличия каких-либо фактических данных, особенно статистического характера. Попробуем хотя бы штрихами обозначить границы данного явления.

Необходимо различать собственно артельные самоорганизации и уставом регламентированное разделение на группы с бытовой, потребительной целью, только называемые также «артелями». Негласный принцип свободного объединения в артель был ясен уже некоторым наблюдателям-современникам: «Это было, таким образом, объединение в интересах не самих членов, а их нанимателей, и потому комиссия, образованная в конце 60-х гг. для пересмотра существующего положения о частной золотопромышленности, совершенно правильно нашла, что им должно быть присвоено название не артели, а партий, ибо слово артель “неприменимо к обществам, составляемым принудительно”»³.

Вслед за А. А. Исаевым мы не относим к артелям не только бытовые группы рабочих в рамках пенитенциарной системы, но и вообще во всех случаях стороннего принуждения к объединению. Например, совсем не случайно, что новобранцы двигались к месту отправления воинской повинности в составе именно «рекрутских партий», а не «артелей». Поэтому и так называемые «полковые артели» к собственно артелям имеют весьма далёкое отноше-

¹ *Птицын В. В.* Кяхтинские рабочие артели // Русская мысль. 1891. № 5 (Май). С. 131.

² *Исаев А. А.* Артели в России. Ярославль, 1881. С. 19–20.

³ *Пажитнов К.* Рабочие артели // Архив истории труда в России. Пг., 1923. Кн. 10. С. 60. См. также: *Семевский В. И.* Рабочие на сибирских золотых промыслах. СПб., 1898. Т. 2. С. 534.

ние, поскольку будучи формой организации быта (совместного питания и проживания) военнослужащих, они, как и всякое формальное объединение, внутри этой системы, были санкционированы сверху и не предполагали какого-либо уклонения от участия в них. Впрочем, «оригинал» (народные бытовые артели), с которого брался пример для таких объединений, очевиден, понятно и стремление администрации позаимствовать хорошо отлаженный народной практикой хозяйственный механизм, приспособив его под свои нужды. Но отдельные артельные элементы, используемые в коллективе, изначально построенном на иных, нежели низовая народная самоорганизация, основаниях, не делают его вполне артельным союзом. К сожалению, такая «подмена» довольно распространена в литературе, поэтому важно отделять эти «стилистические изыскания» (некорректное, с точки зрения исторической науки, использование самых общих синонимов и неточных терминов) от определения собственно артельного союза.

Бытовые объединения были распространены повсеместно, в отличие от трудовых артельных союзов. Практически любой случай коллективного существования податных слоёв вне рамок общины или семьи в той или иной мере предполагал объединение в бытовую артель. Кроме того, артель для совместного труда обычно одновременно решала и вопросы бытового плана при организации жизни на промысле, а уж вопросы самообеспечения трудового коллектива во время пути до промысла и обратно никак нельзя отнести к сфере собственно трудовой самоорганизации – здесь тоже можно наблюдать как раз бытовую артель. В последнем случае, однако, нужно быть внимательным к деталям, чтобы не спутать артельное объединение с чем-то иным. Например, ситуация переселения в Сибирь. Крестьянская масса во время пути старалась организовать свой быт в привычных ей формах: «Чаще всего переселявшиеся крестьяне объединялись на время пути в партии («артели») по 40–50 семей». Свидетель пореформенного миграционного движения в Сибирь С. Пономарёв сравнивал партию с семьёй, отмечая, что каждая группа знает своих членов досконально, чинит им суд и расправу, защищает их и охраняет, «даже харчится вместе»¹. Наименование группы людей «партией» и насколько это соотносится с «артелью», будет рассмотрено отдельно ниже; сейчас же необходимо отметить, что здесь название «артель» употреблено как сравнение и в кавычках, а это указывает на то, что переселенческий коллектив так назывался, а не то, что артелью он являлся. Причём, не до конца ясно, было ли это самоназванием или определением стороннего наблюдателя-исследователя (что более вероятно). К тому же очевидец переселенческого движения лишь сравнивает такую партию с семьёй: понятно, что «40–50 семей», совместно следующих к месту переселения, семьёй в прямом смысле быть не могли, но «семейность» их жизни в пути по всем перечисляемым признакам очень напоминает общину, а не артель.

¹ Родигина Н. Н. Крестьяне-переселенцы о причинах и ходе аграрных миграций в Сибирь в 1861–1896 гг. // «Сибирь – мой край...»: проблемы региональной истории и исторического образования: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1999. С. 179.

Как раз про таких переселенцев интересно отметить следующие детали: «Партии переселенцев, перемещающиеся гужевым транспортом, были плохо организованы. В лучшем случае выбирали старосту и его помощника, о чём составлялся приговор, скреплённый подписями всех членов партии. Этот приговор, после утверждения чиновником по переселенческим делам, выдавался на руки старосте. Но прав эти старосты никаких не имели. Из-за отсутствия правильной, санкционированной организации партий переселенцам часто приходилось действовать поодиночке без всякой опоры и представительства, подвергаясь обманам со стороны всевозможных проходимцев»¹. Не ясно только, чем была вызвана необходимость избрания каких-то лиц, требующих утверждения в должности от коронной администрации, так как, по имеющимся косвенным данным, это не было инициативой самих переселенцев, к тому же, надо полагать, не случайна оговорка автора, что эти старосты вовсе не имели никаких прав. Крестьяне навряд ли сами бы додумались до того, чтобы выбирать себе начальника, не обладающего какими-либо правами. Формально-письменное же заключение договора никак не вяжется с обычно-правовой практикой, определявшей быт крестьянства при самостоятельной жизни (а здесь речь идёт о пути во время добровольного переселения, а не о принудительном выселении), описанная же ситуация больше напоминает приговор сельского схода. Скорее это было именно требование сверху, исходящее из желания формально организовать переселенческое движение, о чём и говорится в последнем цитируемом предложении.

Переселенцы в пути так или иначе объединяли свои капиталы для покупки продуктов и вещей, необходимых для общего пользования, но, как уже было продемонстрировано, большие их партии обычно состояли из нескольких семей. Искать же возможных бытовых артелей следует не в организованных многосемейных переездах, а когда совместно двигались группы разрозненных переселенцев, отходников, беглых, ходоков.

Рассмотрим следующее сообщение о переселенческом движении: «Весной 1881 г. отправились “на осмотр мест” в Бийский округ [Горный Алтай] главы 8 семей с. Ломового [Рязанской губ.]. В числе их шёл и крестьянин Михаил Бобровский. Ходоки отправились через Рязань, откуда пароходом добрались до Тюмени. Здесь Михаил Бобровский и четыре его спутника, сложившись, купили лошадь, на которой они и добрались до г. Бийска. Бобровский и его товарищи во время выхода из дома имели примерно по 30 руб. на человека. По прибытию в Бийск все они оказались без денег и поэтому нанялись в работники. <...> Двое из них, не успев заработать денег на обратный путь, остались в округе, а Михаил с двумя земляками отправился в

¹ *Фёдорова Е. Д.* Организация переселения крестьян в Иркутскую губернию во II половине XIX – начале XX в. // *Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма: Межвуз. сб. науч. тр.*) Новосибирск, 1980. С. 81.

обратный путь. Они почти всё расстояние до дома преодолели пешком, ибо денег, заработанных в округе, едва хватило на пропитание»¹.

Конечно, здесь слишком мало информации, чтобы уверенно признать артелью описанный случай складчины и совместного путешествия, но всё же это объединение больше напоминает бытовую артель, чем группы переселенцев, рассмотренные выше. По крайней мере, в пути ходоки не были связаны семейными и общинными узами и отвечали только за себя (конечно же если часть из них не была родственниками). Будучи выходцами из одного села, они были хорошо знакомы с друг другом, а потому, принимая участие в этой сделке, едва ли как-то скрепляли её на бумаге, и почти наверняка ограничивались простым устным соглашением. Исходя из примерно равного экономического состояния складывающихся, можно утверждать, что они, во-первых, вносили примерно равную сумму (а стало быть, и все дальнейшие путевые расходы делили сообразно этому принципу), а во-вторых, приобретая лошадь в коллективную собственность, они несли такую же и ответственность. По крайней мере равенство возможностей и круговая порука на основе добровольного и самостоятельного решения о совместной деятельности для общей хозяйственной цели здесь налицо.

Более того, артель вообще (и бытовая, в частности) как спонтанное, непродолжительное (порой вообще разовое) объединение в этом смысле разительно отличается от объединений, создание которых было «навязано» со стороны. Поэтому попытки структурировать, например, то же переселенческое движение, привести элемент административной организации на низовой уровень этого потока ничего общего с артельной самодеятельностью крестьянства не имеют. Здесь можно говорить лишь о попытке «копировать» внешние формы народных самоорганизованных коллективов, но в любом случае это разные, по сути, организационные формы.

Часто любая организация быта на коллективных началах заведомо называется артелью, но для того чтобы определить, является ли бытовое объединение артельным союзом, не достаточно простого принятия на веру самого названия «артель», а необходимо внимание к известным деталям объединения. Нужно также ясно представлять, что бытовая артель – это форма общежития человека традиционного общества, крестьянская бытовая взаимопомощь вне рамок общины-мира. И к потребительской кооперации она также не имеет никакого отношения, или, точнее, имеет ровно такое же отношение, как обыкновенная складчина к потребительскому кооперативу. Чтобы увидеть глубинную разницу между ними, достаточно обратить внимание на коммерческую деятельность потребительских обществ, совершенно немыслимую у бытовых артелей (да и, строго говоря, у производительных тоже). Не случайно потребительская кооперация имела большое развитие именно в городской среде; к тому же не стоит упускать из виду и то, на какое время пришлось её развитие, ибо в более ранний период развития товарно-денежных

¹ Модоров Н. С. Из истории освоения предгорного и горного Алтая в 60–90-е гг. XIX века русским крестьянством // Вопросы истории горного Алтая. Горно-Алтайск, 1980. Вып. 1. С. 31.

отношений о её «победном шествии» говорить, увы, не приходится. «Коммерческая и культурная деятельность городских кооперативов спланировала различные слои населения в составе самостоятельных организаций, что укрепляло “ткань” буржуазного общества»¹. Артельная же традиция корнями уходила в сельский мир, была плоть от плоти именно аграрного общества.

Изучая потребительскую кооперацию, Г. М. Запороженко, справедливо подчёркивает, что она «представляла собой одну из форм общественного движения, возникшего и развивавшегося на основе и в условиях капитализма»². Сообщаемые ею данные подкрепляют некоторые важные для настоящего исследования тезисы: артель – это не плоть от плоти общественного движения конца XIX – начала XX в., в рамках которого её обыкновенно принято рассматривать. Бытовая артель слишком мало имеет общего с потребкооперативом, в основе которого лежат «буржуазные традиции и институты, право, этика»³. И хотя основная цель здесь одинакова (удешевление потребления), но при этом нельзя упускать из виду «второй, капиталистической, цели потребительного общества – получение прибыли»⁴.

Понятно, что изменение форм организации жизнедеятельности не совершается в одночасье, и здесь имели место переходные формы. А как раз сохранение только артельного быта там, где, казалось бы, он должен быть сопутствующим элементом артельного труда, показывает эволюцию артели в процессе развития новой социально-экономической реальности.

Небезынтересно попробовать обратиться к более конкретному примеру. Намеренно возьмём одну из отраслей экономики, находившуюся в авангарде промышленного переворота в Сибири, – судоходство, – благо здесь мы имеем редкий случай сохранения первичной информации. К концу рассматриваемого периода это была сфера господства развитых капиталистических отношений, а стало быть, даже предполагать существование артельных традиций здесь (в частности, в трудовых коллективах судорабочих-матросов) не приходится. К этому времени уже практически везде мы не наблюдаем и бытовых артелей в этой отрасли: «В зимнее время годовые рабочие должны были обеспечиваться жильём с водой и отоплением; в летнее время всем рабочим предоставлялось двух- или трёхразовое питание с последующим удержанием его стоимости из зарплаты. Распространённое в начале XX в. артельное хар-

¹ Запороженко Г. М. Развитие кооперации в дореволюционной Сибири // Россия в XVI–XX вв.: проблемы истории, историографии, источниковедения: Материалы всероссийского науч. конф. Нижневартовск, 2008. С. 47.

² Запороженко Г. М. Кооперация в системе государства и общества (на материалах Сибири конца XIX – начала XX века) // Русский вопрос: история и современность: Материалы VI Междунар. науч.-практ. Конф. (Омск, 1–2 ноября 2007 г.). Омск, 2007. С. 149.

³ Запороженко Г. М. Правовое и административное влияние государства на потребительскую кооперацию (на примере Сибири конца XIX – начала XX вв.) // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII–XX в.: Сб. материалов науч. конф. Новосибирск. 2007. С. 108.

⁴ Там же. С. 113.

чевание к 1914 г. почти повсеместно исчезает [тем более что] с 1900 г. практиковалась унификация расходов на питание: она проводилась администрацией крупных монополий на речном транспорте Сибири, а также Управлением Томского округа ПС»¹. Но сила традиции была столь сильна, что даже в начале XX в. артели в судоходстве продолжали сохраняться: при благоприятных условиях часть матросов объединялась именно в бытовые артели для совместного питания. «Первичные материалы санитарного обследования на Енисее в 1913–1914 гг. показывают, что здесь имелись свои особенности в организации питания судорабочих. Они заключались в том, что сохранялось артельное харчевание. <...> Эта особенность объясняется, вероятно, тем, что суда, обследованные санитарным надзором на Енисее в 1913–1914 гг., принадлежали мелким и средним предприятиям, в отличие от исследуемых в данной статье, являвшихся собственностью крупных пароходных компаний. Меньшая в сравнении с бассейнами других сибирских рек величина затрат на питание рабочих плавсостава енисейской флотилии объясняется также сравнительно низкими ценами на сельскохозяйственные продукты в благоприятном по природно-климатическим условиям районе Минусинской котловины»².

Рассмотрим более подробно этот «рудимент» артельности, едва сохранившийся здесь только в бытовой сфере, ведь у судовых команд этого времени питание (в равной степени необходимое и практически однообразное по своему составу у основной массы непривилегированных судорабочих) в общем-то и оставалось той единственной областью, где артельные традиции ещё имели хоть какую-то возможность реализоваться.

В. Н. Большаков и Е. П. Цепенникова проделали ценную работу, собрали и проанализировав данные медицинского обследования казённой и частной флотилий на Енисее (в Красноярске и Минусинске), которому подверглись практически только речники плавающего состава самоходных судов. В августе–октябре 1913 г. и мае–июне 1914 г. здесь обследовались экипажи судов, составлявших треть самоходного флота Енисея³. На основе сообщаемых ими данных нами был проведён анализ состава речников плавсостава на Енисее в 1913–1914 и 1916 гг.

Речники на 85 % состояли из крестьян, но это было в достаточной степени пролетаризированное крестьянство, не один год продающее свою рабочую силу на рынке: «...основным источником поступления рабочей силы в судоходство являлась деревня. Однако... в действительном социальном отношении состав речников был далеко не крестьянским. Более половины речников работали только в судоходстве три и более навигаций (52,3 % [точнее от 48,45 до 55,9 %, так как

¹ *Большаков В. Н., Цепенникова Е. П.* Динамика заработной платы рабочих плавсостава на речном транспорте Сибири в 1895–1914 гг. // Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1989. С. 137.

² Там же. С. 137.

³ *Большаков В. Н., Цепенникова Е. П.* Материалы санитарных обследований судовых команд как источник по истории рабочих речного транспорта в России (на примере данных по бассейну Енисея за 1913–1916 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. Томск, 1985. С. 31–52.

по 12 рабочим данных нет]). По окончании навигации 82,2 % судорабочих оставались в сфере несельскохозяйственного труда, в том числе 36,3 % работали в судоходстве постоянно, в течение всего года. <...> Даже по неполным данным, абсолютное большинство обследованных речников (76,7 %) оставались после навигации в сфере наёмного труда, что свидетельствует в пользу преобладания в отрасли профессиональных наёмных рабочих»¹. Что же даже их заставляло объединяться в бытовые артели?

Единственной целью такого объединения было совместное питание. Так, больше половины (63,79 %) всех речников плавсостава самоходных судов на Енисее в 1913–1914 гг., сообщивших о своём питании, предпочитали харчеваться в артелях, причём на одном судне могло быть и несколько таких артелей (на каком основании происходило деление, данных нет, но скорее всего это был традиционный земляческий принцип: в одну артель объединялись выходцы из одного места).

При артельном питании, каждый член союза вносил равный пай, что в сумме позволяло закупать продовольствие на стороне по рыночным ценам и сразу в большом количестве. Бытовая артель в этом случае давала известное преимущество перед иными способами продовольствия (отдельными и хозяйскими харчами) – тут и некоторое уменьшение затрат на питание², и привычная форма его организации. Однако выгодность объединения в артель простиралась лишь до известного предела. Так, возросшая дороговизна жизни в связи с началом Первой мировой войны и общий дефицит продуктов на рынке (даже при некотором повышении заработной платы) привели к тому, что здесь «в 1916 г. уже не существовало артельной формы питания»³.

Артели объединяли главным образом матросов: 87,88 % их питалось артельно, что составляло 78,38 % всех учтённых случаев артельного питания и ровно половину всех известных сообщений о питании вообще. Интересно рассмотреть более подробно эту наименее профессиональную группу речников, где крестьянские традиции должны были сохраняться дольше всего. В 1913–1914 гг. матросы (40,99 % всех учтённых рабочих) представляли собой наиболее «крестьянскую» категорию рабочих-речников плавсостава на Енисее (95,5 %). Ровно половина матросов была приписана тут же (в Енисейской губернии), а 42,42 % их были отходниками из Европейской части страны. 87,9 % нанималось в эту работу только на срок навигации. При этом из имеющихся данных (нет сообщений от 12 рабочих) следует, что половина матросов на тот момент работала в судоходстве менее трех навигаций.

¹ *Большаков В. Н., Цепенникова Е. П.* Материалы санитарных обследований судовых команд... С. 34–39.

² Для сравнения: по известным сообщениям, «расходы на отдельное питание летом 1913–1914 гг. составляли по всем категориям плавсостава в среднем 10,70 р., или 32,8 % среднемесячного заработка, а в 1916 г. – 14,65 р., или 44 %» (*Большаков В. Н., Цепенникова Е. П.* Материалы санитарных обследований судовых команд... С. 52). При артельном же питании по всем категориям в 1913–1914 гг. этот показатель равнялся 8,20 руб. или 25,15 % среднего заработка в период навигации.

³ *Большаков В. Н., Цепенникова Е. П.* Материалы санитарных обследований судовых команд... С. 52.

Известные сообщения дают следующую картину: 35,85 % после временного заработка в судоходстве возвращались к сельскохозяйственным и домашним работам. Однако матросов крайне сложно назвать крестьянами в собственном смысле этого слова: 64,15 % их после навигации занимались несельскохозяйственным трудом (56,60 % из них – по найму), причём уже 18,87 % оставались в судоходстве, то есть эта отрасль была их единственным источником существования.

Очевидно, что уже самая массовая категория рабочих, сообщивших о своём питании артельно (78,38 %), была достаточно пролетаризирована, достаточно оторвана от крестьянского общинного быта, но в силу, во-первых, привычки продолжала продуцировать некоторые элементы традиционного общества (именно в быту они сохранялись дольше всего, когда сфера трудовых отношений уже была подчинена капиталистическим отношениям). Организация бытовой стороны жизнедеятельности на том или ином промысле менялась под действием новых условий труда. В 1913–1914 гг. на Енисее эти процессы зашли достаточно далеко. Но стойкость традиции, надо полагать, усиливало ещё и то, что 57,58 % матросов было слабо образованными людьми (треть (33,33 %) неграмотные и 24,24 % полуграмотные). Любопытно и то, что 87,9 % всех матросов, нанимались только на срок навигации и ровно столько же матросов сообщали о своём артельном питании. Впрочем, не известно число показаний о питании речников отдельно по каждой категории рабочих, имеется только суммарная цифра... Но то, что ситуация отхода на заработки по сравнению с постоянной квалифицированной работой «тянула» за собой определённый шлейф традиционного уклада жизни, несомненно.

Во-вторых, сохранению этой формы традиционного быта на капиталистически организованном промысле способствовала её конкурентоспособность с иными формами – бытовая артель была выгодна её членам. Расходы на жизнь на артельном питании были ниже, чем при отдельном. Здесь, конечно, нужно учитывать и среднюю зарплату и средние расходы на все остальные нужды, но в частности у матросов и то и другое было самым низким из всех рассматриваемых категорий речников.

При одинаковых прочих расходах затраты только на артельное питание (артельный пай) были обыкновенно ниже расходов на питание отдельно. «Размеры денежного взноса на артельное питание различались иногда на одном судне, что было обусловлено наличием нескольких артелей»¹, но в среднем он составлял у матросов 8 руб. 20 коп. (31,84 % от средней зарплаты в период навигации) против 10 руб. в случае отдельного питания. Экономия в 1 руб. 80 коп. (7,91 % зарплаты) при зарплате в 22 руб. 75 коп. была ощутима. Для сравнения, у кочегаров (второй после матросов самой массовой (19,88 %) «крестьянской» (75 %) категории речников, питавшихся артельно) разница между затратами на питание при разном способе его организации была меньше и равнялась 1 руб. (3,37 % их зарплаты), что дополнительно объясняет их слабое стремление к объединению в бытовые артели.

Интересно, что обследование 1913–1914 гг. учло 58 матросов, нанимавшихся на период навигации, и ровно столько же матросов тогда же сообщало о своём артельном пита-

¹ *Большаков В. Н., Цепенникова Е. П.* Материалы санитарных обследований судовых команд... С. 44.

нии (правда, не известно, совпадали ли они по составу). Необходимо принять во внимание, что нанявшиеся на время обычно получали зарплату по окончании срока найма¹, а стало быть, были крайне ограничены в средствах на обеспечение себя продуктами питания, что, в свою очередь, являлось ещё одним стимулом к артельному складчине.

Объединение в артель было свободным актом волеизъявления рабочего (собственно бытовая артель вообще всегда неформальна, то есть создаётся на основе устных договорённостей, «по обычаю»). Выбор зависел только от желания самого речника, но здесь важно учитывать его семейное положение, дающее не только определённые бытовые преимущества, но и накладывающее определённые обязательства. В 1913–1914 гг. чуть больше четверти всех речников (27,95 %) питалось с семьями [к сожалению, точно неизвестно, какой процент зарплаты составляли расходы при этом], остальные же, судя по обстоятельствам, по-разному – либо артельно, либо отдельно.

Интересно отметить, что больше половины (54,5 %) матросов были неженатые, а их средний возраст составлял 27,3 года. Для сравнения, кочегары при самом юном среднем возрасте (25,1 года) из всех рассматриваемых здесь категорий речников были на 76,92 % (от известного числа показаний) людьми женатыми и на них же приходится абсолютное большинство указаний о питании с семьями (19 против двух у матросов). Но кочегары практически полностью были уже рабочими новой эпохи (93,75 % их работало в сфере несельскохозяйственного найма постоянно). При этом 59,38 % всех кочегаров питалось с семьями, а 25 % – отдельно, чему также способствовала их несколько более высокая по сравнению с матросами средняя зарплата.

Видно, что если для матросов объединение в бытовые артели представляло (в том числе) экономический смысл, то для остальных категорий судорбочих этот стимул был менее существенен. Эти другие категории речников, прибегавшие к артельному питанию, являлись «ещё менее» крестьянами и ещё более были подвержены модернизационным переходным процессам. И если не экономическая выгода (кроме матросов и кочегаров у остальных её вообще не было), тогда что заставляло их прибегать к артельной организации питания? Надо полагать здесь всё же сказывалась глубинная инерция традиции и привычного способа организации быта. Но бытовые артели в условиях развития капиталистических отношений исчезали по мере роста уровня жизни и бытовой устроенности работников.

Ради исторической достоверности нельзя смешивать разнородные явления, изучая жизнь и быт дореволюционных рабочих. Лишь внимание к деталям сообщений о «бытовых артелях» в исторических источниках позволяет выделить собственно артельные самоорганизации на фоне бытовых объединений, устроенных на иных началах, которые принято некритически связывать с артельной традицией.

¹ *Большаков В. Н., Цепенникова Е. П.* Материалы санитарных обследований судовых команд... С. 137.